

Глава 1. Свирепый гэ'эр из семьи мясника

Пятнадцатый год эры Чжэндэ принес Поднебесной долгожданный покой. После того как государь лично возглавил поход и скрепил мирный договор с северными варварами, война наконец отступила. Мужчины, десятилетиями не видевшие родного крова, потянулись домой. Встречи были горькими: родные бросались друг другу в объятия, и слезы так обильно катились по их лицам, что смешивались с дорожной пылью в серую грязь.

Однако стоило утихнуть первым рыданиям, как во весь рост встал вопрос выживания. В походах жизнь была не сахар, но Великая Цянь славилась своим изобилием, а налоги в военное время были столь тяжелы, что государственные амбары ломились от зерна. Солдаты, может, и не пировали, но на жидкую похлебку всегда могли рассчитывать.

Дома же бывшим воинам пришлось искать пропитание самим. Тем, кто еще не обзавелся семьей, требовалась немалая сумма, чтобы справить свадьбу и продолжить род. Но откуда было взять серебро?

За долгие годы отсутствия старших сыновей семейные наделы были поделены между оставшимися братьями. О том, чтобы вернуть землю или получить долю из общих запасов, не шло и речи — кто же добровольно отдаст то, что уже попало в рот? В лучшем случае родственники не зарились на то скудное выходное пособие, которое солдаты принесли со службы.

Впрочем, те, кто сумел выжить в кровавой сече, редко отличались кротким нравом. Если им отказывали в положенной доле земли и денег — что же, в ход шел весомый аргумент. Стоило окровавленному тяжелому клинку с размаху вонзиться в порог братского дома, как всякое упрямство мгновенно испарялось.

Особо жадные пытались искать защиты в уездном ямэне, но и начальники были не дураки. Они прекрасно понимали: если у солдат есть хоть немного денег, они не станут лезть на рожон. Но из тех крох, что казна выделяла на демобилизацию, до рук простых воинов после всех поборов доходили сущие копейки. Лиши их последней надежды на пропитание — и бунта не избежать. А кому охота усмирять озлобленных ветеранов?

Видя, что власти смотрят на происходящее сквозь пальцы, простому люду оставалось лишь смириться. Жизнь дороже, а потому захваченные земли и припрятанное серебро возвращались законным владельцам без лишних споров.

***

Деревня Циншуй

В деревне Циншуй, что на восточной окраине, в старой семье Лю сложилась именно такая ситуация. Когда Лю Лаода, старший сын, только появился на свет, родители души в нем не

чаяли. Но мальчик рос тихим, медлительным и нескладным в речах. Следом за ним пошли другие дети — бойкие, смазливые, хитрые. На их фоне первенец быстро стал в тягость, превратившись в нелюбимого пасынка при живых родителях.

Когда пришел указ о наборе в армию, отец с матерью, не раздумывая, выставили именно его — благо и возраст подходил идеально.

Но даже дурак, заглянув в пасть смерти, может преобразиться. Лю Лаода вернулся из армии совсем другим человеком. На его лице застыла печать жестокости, а во взгляде сквозила такая лютая злоба, что у любого встречного мороз шел по коже. Когда ветераны из деревни Циншуй подняли шум, требуя свое, именно он с мечом в руках шел в первых рядах. Глядя на него, старики Лю едва не расстались с жизнью от страха.

Благодаря своей хватке и беспощадности Старший Лю не только уберег причитающиеся ему десять лянов серебра, но и буквально выгрыз у братьев два му отличных заливных полей и один му суходола. Кроме того, он выхлопотал у старосты кусок пустоши у подножия горы, где поставил крепкую хижину. Жизнь у него закипела: он женился, завел ребенка, и дела его пошли в гору.

Остальные четверо братьев Лю только зубами скрежетали от зависти. Пока они перебивались с хлеба на воду, в доме старшего мясо не переводилось.

***

Как-то раз Сяо Цянь-ши, жена второго брата, возвращаясь с рынка, проходила мимо мясной лавки Лю Лаоды. Заметив, что за прилавком остался только его сын-гэ'эр, она не удержалась и решила затеять ссору.

— Цзяо Гэ'эр, наруби-ка тетушке два цзиня самого лучшего мяса.

Круглолицый юноша, которого звали Лю Тяньцзяо, лишь мельком взглянул на нее и холодно бросил:

— Кончилось.

Смуглое лицо Сяо Цянь-ши перекошило. Она ткнула пальцем в аккуратно развешанные туши и потянулась к ним руками:

— Совсем молодой, а глаза уже не видят! Это что по-твоему, если не мясо? Весь в своего покойного Сяоде — такой же слепец.

Лю Тяньцзяо больше всего на свете ненавидел, когда поминали его покойного Сяоде. Он с силой вонзил тесак в разделочную колоду прямо перед носом тетки и рывкнул:

— Я хотел оставить тебе хоть каплю достоинства, но ты, видно, сама напрашиваешься! У тебя в кармане хоть медный грош найдется? Собралась она покупать два цзиня лучшей вырезки! Ты и пары лянов пожалеешь купить. Кого ты здесь обмануть пытаешься? Проваливай!

Сяо Цянь-ши то бледнела, то багровела от ярости.

— Пусть наша семья не так богата, зато мы не жрем в три горла, пока рожа не начнет лосниться от жира! Мало того, что ты гэ'эр, так еще и нрав у тебя такой, что никто замуж не возьмет. Будешь сидеть в девках, пока чиновники насильно не выдадут тебя за какого-нибудь калеку или дурака!

***

Стоит сказать, что мир этот был устроен странно. Со времен прошлой династии войны не прекращались, и, за исключением столицы и богатого юга, земли опустели. Во многих деревнях почти не осталось мужчин, а слабые женщины, на чьи плечи легла пахота и тяжелый труд, изнывали под непосильной ношей.

То ли Небеса сжалились над людьми, то ли это было проклятие, но в семьях стали рождаться необычные дети. Лицом они походили на мужчин, но были чуть ниже ростом и изящнее сложением. Силы в них было больше, чем в девицах, однако они могли рожать детей от мужчин.

Богатые семьи, не желая мириться с участью таких детей, поначалу пытались женить их на женщинах, но даже если брачная ночь и удавалась, детей в таких союзах не рождалось. Постепенно все оставили эти попытки.

Таких людей стали называть гэ'эрами. Узнать их было легко: от рождения на их лицах красовалась родинка величиной с горошину — родинка беременности. Цвет её мог быть ярко-алым или едва заметным.

За два столетия люди подметили закономерность: яркость родинки напрямую указывала на способность к деторождению. Гэ'эры с яркими отметинами легко зачинали детей, а те, чья родинка была бледной, могли всю жизнь прожить бесплодными.

У Лю Тяньцзяо родинка была совсем тусклой. К тому же он перенял от отца-мясника свирепый нрав и не отличался особой красотой. И хотя старая семья Лю считалась по деревенским меркам зажиточной, а Тяньцзяо был единственным ребенком, сватовство шло из рук вон плохо. На пороге появлялись разве что совсем никчемные женихи.

***

Слова Сяо Цянь-ши должны были ударить по самому больному месту, но Лю Тяньцзяо лишь

равнодушно хмыкнул. В жизни его интересовали только две вещи: звонкое серебро и вкусная еда. Причем серебро было нужно лишь для того, чтобы эту еду раздобыть. К браку же он не испытывал ни малейшего интереса.

— И зачем мне замуж? — его злость поутихла, сменившись колкой иронией. — Отец в силах меня прокормить. Это не у нас в семье кое-кто из кожи вон лезет, лишь бы родную дочь подороже продать.

Сяо Цянь-ши то бледнела, то багровела от ярости. Она истошно завопила, привлекая внимание прохожих:

— Посмотрите, люди добрые! Поглядите, как этот гэ'эр из старой семьи Лю себя ведет! Совсем совести нет! Я пришла к ним с добрыми намерениями, хотела выручку сделать, а он родную тетку последними словами кроет! Ох, грудь... Сердце так и колет, сейчас умру от обиды!

Она театрально схватилась за грудь, и случайные свидетели, не знающие сути дела, начали осуждающе перешептываться.

— Негоже так гэ'эру себя вести.

— Был бы он в нашей деревне, его бы живо в родовом храме на колени поставили за такое неуважение.

— Еще когда мать его померла, я говорила — надо Старшему Лю новую жену брать, — влезла Сваха Ван, которая когда-то пыталась навязать невесту Лю Лаоде, не дождавшись и конца траура. — Некому было мальчишку воспитывать, вот и выросло невесть что.

Обычный гэ'эр от таких слов уже давно бы сгорел со стыда, но Лю Тяньцзяо, который еще в шесть лет держал в страхе всю деревенскую малышню, и бровью не повел.

Он чуть опустил голову, приняв смиренный вид, и негромко произнес:

— Вторая тетушка, простите мне мою резкость. Давайте я вам в знак примирения отвешу лян мяса даром?

Глаза Сяо Цянь-ши хищно блеснули. Всего один лян? Она что, нищенка какая-то?

— Мясо — это мелочи, — снисходительно бросила она, почуяв слабинку. — Характер у тебя, конечно, паршивый, но ты еще молод, так что я не буду держать зла. Давай вот этот кусок, заверни мне его.

Лю Тяньцзяо положил кусок, на который она указала, на весы и громко объявил на всю улицу:

— Четыре цзиня и два ляна! Ого, это слишком много. Я не могу сам решить, придется подождать отца. Он ушел закупать свиней и обещал вернуться к полудню. Должен быть с минуты на минуту.

Четыре цзиня с лишком! Обычная семья столько и на праздник не всегда покупала. Взгляды зевак мгновенно переменялись. С чего бы этой бабе получать такую гору мяса задаром?

— И впрямь, совесть надо иметь, — раздалось из толпы. — Кто же так убытки людям наносит?

— Да уж, извиниться — это одно, а полтуши уносить — совсем другое.

Кто-то и вовсе усмехнулся:

— А ведь гэ'эр правду сказал. С такой жадностью она и впрямь детей своих продаст, глазом не мognув.

Женщина едва не задохнулась от гнева и начала громко оправдываться, крича, что вовсе не собиралась воровать, но ей уже никто не верил. К тому же перспектива встречи с суровым Лю Лаодой пугала ее до икоты. Она пыталась было еще что-то крикнуть, но, выругавшись напоследок, поспешила скрыться.

Лю Тяньцзяо проводил ее взглядом и холодно усмехнулся. Он быстро собрал прилавок, завернул оставшееся мясо и сложил его в бочку с холодной водой на телеге. Развернув повозку, он не спеша направился обратно в деревню.

<http://bllate.org/book/15343/1372737>